

СОДЕРЖАНИЕ

.....

Глава 1 · Неизгладимая печать	7
Глава 2 · Мечта о величии	16
Падая вверх	16
Любить, как орангутан	33
Тысячелетие в поисках души	38
О жизни морального хищника	55
Мир первоцветов	66
Люди в движении	72
Думать как кожа	80
Глава 3 · Гражданская война разума	88
О личностях	88
Психологические уступки	90
От «я-разума» к «мы-разуму»	96
Змея на стене пещеры	105
Важность «видения в»	115
Жужжащие умники	124
Знакомьтесь: алгиники	130
Последний рубеж	137
Современные ангеловеды	143
Радуга из плоти	150
Сны китов	155

Глава 4 · Чуждый творению	163
Паника, патогены и хищники	163
Вместе лучше	172
Утешение в общей мечте	178
Чума на всех вас	185
Миф о человеке	190
Лекарство от вымирания	201
Вариант получше?	211
Глава 5 · Поденщина звезд	221
Мы — звездная пыль	221
Мечты о мутантах и Марсе	232
Благородный примат	235
Глава 6 · Кода о прелести животной жизни	242

ГЛАВА 1

НЕИЗГЛАДИМАЯ ПЕЧАТЬ

.....

...Человек со всеми его благородными качествами, сочувствием, которое он распространяет и на самых отверженных, доброжелательством, которое простирает не только на других людей, но и на последних из живущих существ, с его божественным умом, который постиг движение и устройство Солнечной системы, словом, со всеми его высокими способностями, все-таки носит в своем физическом строении неизгладимую печать низкого происхождения.

Чарльз Дарвин

Сегодня в мире доминирует животное, которое таким себя не считает. И будущее представляет себе животное, которое не хочет быть животным. Это важно. С тех пор как несколько миллионов лет назад прямоходящая обезьяна высекла искры из камня, эволюция пришла к лишенному волос примату с технологиями, которые могут изменять срок жизни молекул.

В настоящее время люди являются более мощной движущей силой эволюции, чем половой отбор или селекция. Благодаря достижениям в области геномики¹ и технологиям

¹ Геномика — направление в молекулярной биологии, занимающееся исследованием структуры и функций всей совокупности генов организма или значительной их части. — *Здесь и далее прим. пер.*

модификации генов биологию животных — и людей — можно во многом изменить. Мы создали грызунов с гуманизированной печенью или мозгом, частично состоящим из человеческих клеток. Мы создали лосося, который растет по заданным нами показателям. Ученые могут создать ДНК, которая уберет смертельные мутации у целой популяции диких животных. Тем временем во всем остальном живом мире царит кризис. В наших океанах, лесах, пустынях и степях многие другие виды сокращаются с беспрецедентной скоростью. Говоря языком геологии, мы — ледниковый период, огромная метаморфическая сила. Наши города и индустрия оставили свой отпечаток в почве, в клетках глубоководных существ, в далеких частицах атмосферы. Проблема в том, что мы не знаем, как правильно вести себя в жизни. И эта неопределенность существует отчасти потому, что мы не можем понять, какое значение имеют другие формы жизни — и имеют ли они значение вообще.

Люди склонны согласиться с тем, что мы в некотором роде исключительны. Веками люди жили так, как будто на самом деле имеют неживотное происхождение. В человеке есть нечто особенное, уникальное, будь то рациональность или сознание. Религиозные сообщества рассматривают человека не как животное, а как существо, наделенное душой. Сторонники светского подхода, например гуманизма, предполагают свободу человека от предрассудков. И все же большинство опирается на свою видовую принадлежность как на некую магическую грань.

Такой подход всегда сопровождался проблемами. Но с течением веков оправдывать его становилось все сложнее. Большинство из нас поступают, руководствуясь интуицией или принципами, согласно которым потребности человека

должны превосходить потребности любого другого живого существа. Но когда мы пытаемся изолировать что-то в человеке как в животном и превратить его в личность, имеющую мораль и душу, мы создаем себе трудности. Мы можем прийти к ошибочному убеждению, что в нас есть нечто небιологическое, неизбежно хорошее или важное. И это приводит нас к тому моменту, когда кто-то стремится найти способ жить вечно, расширить возможности ума или стать роботом.

Ничто из вышесказанного не означает, что между нами и всеми остальными нет заметных различий. Наше осознанное взаимодействие с миром — восхитительный пример того, насколько может эволюционировать жизнь. Мы болтаем друг с другом об абстрактных идеях и высекаем свои образы из камня. Подобно той красоте, что несет в себе мурмурация¹ скворцов, наш опыт кажется чем-то большим, чем сумма наших отдельных сторон.

С самого детства у нас есть ощущение самобытности, как-то калейдоскоп воспоминаний. Эти навыки и знания, которые мы используем в жизни и воспроизведении себе подобных, включают в себя способность фантазировать и обманывать, контролировать определенные желания и воображать будущее. В вихре чувств, эмоций, внезапных порывов и личных историй мы мечтаем и предвкушаем. Человеческий ум — это удивительное природное явление. Но в то же время наш тип интеллекта — в том числе обладание субъективным самосознанием — дает нам намного больше, чем насыщенная переживаниями жизнь. Он дает нам ту гибкость поведения, которой не было бы без него, особенно по отношению друг к другу.

¹ Мурмурация (от лат. *murmuratio* — бормотание, жужжание) — слаженное сложное движение стаи птиц в полете.

Неудивительно, что большую часть истории мы провели, утверждая, что человеческий опыт обладает значимостью и ценностью, которая отсутствует в суровой жизни других животных. Конечно же, в нас есть нечто такое, что невозможно свести к обычному животному поведению. Кое-кто может сказать, что если нас лишить культуры, то мы станем больше похожи на других живых существ, населяющих Землю, полагаясь на ум и тело, чтобы добыть необходимую для выживания энергию. Многие произведения искусства намеревались преподать этот урок, заигрывая с воображением и показывая человека, отданного на милость сил природы. Но даже учитывая все это, мы понимаем: у личности есть возможность к осознанию, что для жизни в нашей Солнечной системе, насколько мы знаем, является уникальным. И вот что мы имеем. Восхитительную странность: мы так явно похожи на все, что нас окружает, и при этом заметно отличаемся.

Мы — мифическое создание, которое наши предки когда-то рисовали на скалах — териантроп¹: наполовину животное, наполовину бог.

У нас есть тело животного — та часть, что стареет и истекает кровью, и есть исключительная часть, которая, похоже, берет начало в нашем интеллекте и самосознании — наш дух. Как писал Джордж Катеб, мы «единственное животное, которое больше, чем животное, единственный вид, который частично неестественен». Эта идея находит подтверждение всюду. Мы — животные, когда мы прижимаемся друг к другу и когда наши окровавленные младенцы выходят из женского нутра, но не когда мы приносим клятвы. Мы — животные, когда вгрызаемся в плоть нашей пищи, но не на рабочем

¹ Териантроп — гипотетическая трансформация человека в животное в мифологии или спиритизме.

месте. Мы — животные, когда лежим на операционном столе, но не когда говорим о правосудии. Нам говорят, что этот раскол в человеческом состоянии не только спас нас от бессмысленной жизни, свойственной другим существам, но и сформировал основу мира, в котором мы живем. Он вознес нас на самую высокую позицию в иерархии жизни. Из-за него у нас вышло впечатление, что человеческий мир богат, а животный мир — его бледная тень. И он привел нас к такому мировоззрению, где наше процветание — это важнейшее благо.

Конечно, вполне можно верить, что люди — это животные, не имеющие какого-то особенного происхождения или смысла, либо даже особо опасные животные, без которых мир был бы лучше. Однако люди редко ведут себя, полагаясь лишь на собственные взгляды: они обычно живут, исходя из понятий и правил поведения человеческого мира, какими бы плохими или хорошими они им ни казались.

Возможно, на этом и следовало бы закончить. Но беспокойство никуда не исчезает. Многие из наиболее часто встречающихся наших убеждений происходят из глубинного неприятия того факта, что мы — органические существа. Нам некомфортно осознавать фактические доказательства животной жизни. Животные страдают и умирают по воле случая. Быть существом, связанным со всем — от дуба до медузы, — означает, что твоей жизни сопутствуют такие опасности, как патогены, травмы, изменения в психике и — чисто человеческое — нравственные метания. Все, что мы любим и ценим, должно быть вырвано из дикого природного ландшафта. Это одновременно пугает и смущает. С этой точки зрения быть животным — стыдно. Но что еще хуже — это опасно.

ГЛАВА 2

МЕЧТА О ВЕЛИЧИИ

.....

И, однако, разве само человечество не повинуется слепо мечте о своем величии и могуществе — мечте, которая гонит его на темные тропы великой жестокости и великой преданности? А что есть в конце концов погоня за истиной?

Джозеф Конрад¹

Падая вверх

Люди — часть длительного процесса происхождения жизни, который связывает нас со всем, что мы видим вокруг. «Из такого простого начала, — заявляет Чарльз Дарвин в завершающих строках “Происхождения видов”, — развилось и продолжает развиваться бесконечное число самых прекрасных и самых изумительных форм». Мы пока не знаем, каким образом первые живые клетки появились на ранних этапах истории Земли. В то время наш мир был суровым местом с каменистым ландшафтом, где не было ни голода, ни осуждения, ни всех этих возмутительно ярких лугов с травами и цветами. Стоит представить себя стоящим посреди этого дымящегося мира, испещренного кратерами от ударов метеоритов, и не думающим при этом о происхождении

¹ Конрад Дж. Лорд Джим, пер. с англ. А. Кривцовой.

жизни. Каким-то образом в жаре глубоководных источников или в мелких озерах этой грубой, задымленной поверхности с помощью необычной деятельности — сохранения энергии и обмена ею — начали шевелиться и собираться вместе примитивные клетки.

«По сути, жизнь — это побочный эффект реакции освоения энергии», — говорит биохимик Ник Лейн. Или же, как объяснял это австрийский физик Эрвин Шредингер во время серии публичных лекций, которые он читал в 1943 году, — в то самое время, когда в Сталинграде завершалась самая кровавая битва в военной истории, — живая материя, похоже, «избегает быстрого распада, уходя в инертное состояние равновесия». Вне зависимости от того, считаем ли мы такое химическое явление редким или неизбежным, мы можем сказать, что это одна из самых важных вещей, которая отделяет живое от неживого.

Поскольку вся жизнь, какой мы ее воспринимаем, сохраняется, опираясь на окружающую среду, — будь то богатые барьером воды гидротермального источника или внутренняя часть клетки животного, — все известные формы жизни на Земле несут в себе одну и ту же элементарную биохимию. У жизни есть еще одна общая черта — наследственность, то есть существует различие между живостью блестящего гребня волны и теми организмами, которые она может нести в своих водах. Потому что хотя и тому и другому требуется энергия для принятия своей формы, только жизнь порождает дитя, похожее на родителя. Будь то кишечная палочка (лат. *E. coli*) или слон, новая жизнь создается на основе деления одной-единственной клетки. Более того, во всех живых клетках на нашей планете хранятся частички наследия в виде дезоксирибонуклеиновой кислоты и протекают определенные

химические реакции, идущие с участием молекул рибонуклеиновой кислоты.

Более трех миллионов лет назад эти протоклетки¹, скорее всего, стали первым видом бактериальной жизни на Земле. Задолго до того как глаза животных смогли увидеть расстилающийся перед ними пейзаж, в океанах Земли царили бактерии. Со временем эволюция произвела захватывающие изменения и скалы заселили колонии цианобактерий² — тонкие нити голубоватых живых организмов, которые делали нечто такое, что впоследствии изменит мир: использовали солнечный свет для стимулирования своего жизненного цикла, производя взамен кислород. По мере роста этих бактериальных колоний совокупный эффект их присутствия создал условия для появления фотосинтезирующих растений и легких у подобных нам млекопитающих, но в то же время ограничил возможности других, таких как прекрасный *Spinoloricus cinziae*³ — животное, обнаруженное несколько лет назад в Средиземном море, которое приспособилось жить при полном отсутствии кислорода.

В 1967 году Линн Маргулис выдвинула идею, что животные и растения, отличающиеся от первых бактериальных форм жизни, во многом обязаны своим происхождением явлению, которое называется эндосимбиозом. Это процесс, во время которого одна клетка поглощает другую, не переваривая ее. Теория Маргулис встретила активное сопротивление.

¹ Протоклетка — гипотетический первичный организм (клетка), возникший, согласно некоторым теориям происхождения жизни, из скопления органических веществ и положивший начало современному разнообразию жизни на Земле.

² Цианобактерии — группа бактерий, осуществляющих фотосинтез с выделением молекулярного кислорода; первоначально их относили к растениям и называли синезелеными водорослями.

³ *Spinoloricus cinziae* — вид морских животных, относящихся к классу лорциферы.